

А

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА К. М. ФОН БЭРА¹

I

Только что исполнилось столетие со дня выбора в члены-корреспонденты нашей Академии и пятидесятилетие со дня смерти одного из величайших естествоиспытателей, одного из самых замечательных людей прошлого, XIX столетия, и одного из создателей духовного уклада нашей Академии, академика Карла Максимовича фон Бэра. Через два года исполнится столетие со дня выбора его в академики. К этому дню Академия предполагает посвятить его памяти и выяснению его значения в истории мысли и в истории нашей культуры особое заседание и особое издание.

Выставка, открываемая сегодня, организована той же Комиссией, которая должна по поручению Академии Наук подготовить будущее юбилейное заседание; она имеет задачей уже теперь возбудить интерес к его памяти и к творчеству его личности.

Академия Наук приступила загодя к работе над Бэром в полном сознании огромного значения знания хода истории идей, не только как одной из форм выяснения научной истины. Она не может оставлять без внимания то жизненное значение, которое имеет сейчас для нашей страны и для нашего народа выявление научной мысли и творческой научной работы, проникавших их прошлые поколения, их былое.

Это выявление, возможно полное и глубокое, широкий охват этим знанием всего народа имеет первостепенное значение для народного самосознания. А осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь.

¹ Речь, произнесенная 2 января 1927 года на открытии выставки, посвященной К. М. фон Бэру.

II

Мне кажется, что в этом отношении история нашего народа представляет удивительные черты, как будто, в такой степени небывалые.

Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, невидные и несознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя.

С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения.

Первой открылась взорам мыслящего человечества — и осозналась нашим народом — русская литература. Былины были открыты в этом смысле в конце XVIII столетия, частью в среде, близкой к нашей Академии; украинские думы — в начале прошлого века. Но великая новая русская литература вскрылась в своем значении лишь на памяти живущих людей. Пушкин выявился тем, чем он был, через несколько поколений после своего рождения. Еще в 60-х годах один из крупнейших знатоков истории русской литературы, академик П. П. Пекарский, приступая к изучению истории литературы петровского времени, ставил вопрос — имеет ли русская литература вообще какое-нибудь мировое значение, или ее история не может изучаться в одинаковом масштабе с историей великих мировых литератур и — имеет местный интерес, интерес исторически второстепенный. Он решал его именно в этом последнем смысле. Это было после Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя — в расцвет творческого выявления Толстого, Достоевского, Тургенева. Сейчас взгляд Пекарского, точно выражавшего народное самосознание того времени, кажется анахронизмом. В мире — не у нас — властителем дум, дум молодых поколений, царит Достоевский; глубоко вошел в общечеловеческое миропонимание Толстой. Но мировое значение русской литературы не было создано ее народом; оно не им было введено в другую духовную среду. Когда де Вогюэ обратил внимание Запада, в частности сперва французского, на мировое значение русской литературы, когда началось ее вхождение в общее сознание — именно этот факт открыл глаза и тому народу, созданием которого она является. Он понял, что он создал.

Еще более ярко это самое свойство проявляется в том еще незаконченном движении, которое сейчас идет в нашем народном самосознании — в понимании нашего творчества в живописи и зодчестве. Я не говорю о том, что творческая работа в этих областях, скажем в XVIII и в первой половине XIX века, открылась благодаря проникновенной научной работе наших современников, одним из вдохновителей которых был безвременно скончавшийся Н. П. Врангель. В этом проникновении в художественную старину выявилась перед нами совершенно почти забытая, во всяком случае совершенно неосознанная полоса огромного народного художественного творчества. В русской иконописи и в связанном с ней искусстве открылось явление, длившееся столетия (от XIII до XVII века) — расцвет великого художественного творчества, стоящий наряду с эпохами искусства, мировое значение которых всеми признано. Перед нашим удивленным взором открывается великое творчество того же порядка, как и русская литература XIX столетия — совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся так же, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и скульптура. Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при условии, что оно было связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды. И совершенно ясно, что его осознание есть сейчас факт крупнейшего значения в жизни нашего народа.

Сейчас, мне кажется, мы подходим к новому явлению того же характера. Начинает вырисовываться неосознанная новая сторона нашей вековой духовной работы — работы русского народа и русского государства в научном творчестве. Настала пора его выяснения.

К этой работе зовет нас и та скромная выставка, которую мы сегодня открываем. Что, научная работа русского народа является мало заметным явлением в росте знания человечества? Что, русская мысль теряется в мировой работе? Или гений нашей страны и здесь, как и в художественном отражении нас окружающего, выявил новое, богатое, незаменимое, единственное. Восемьдесят семь лет тому назад Карл Максимович фон Бэр, память которого мы сейчас празднуем, оценивая деятельность крупного ученого, первого русского круго-